

Т а т ь я н а   Д а г о в и ч

ЖИТЕЛЬНИЦА

Пустая комната, задернутые гардины и забытый на подоконнике стакан с водой. Ежедневно солнечный свет попадает в окно, через стекло нагревает воду и вода испаряется. На стенках стакана появляется мутное кольцо, уровень воды опускается с каждым днем, и замутнение опускается. Никто не входит, никто не выходит, никто не открывает окон, не включает телевизор, не разговаривает, не пользуется телефоном в этой комнате. В этой квартире. Пустой стакан с мутными стенками между цветочными горшками.

В первые недели эмиграции Марта не представляла себе эту картину, не думала об оставленном доме — у нее были более важные дела. В брошенную квартиру обещала время от времени навещать соседка Наталья Семеновна — поливать цветы, проверять, все ли в порядке, и, зная Наталью Семеновну, Марта не сомневалась, что пыль будет сметена, стаканы вымыты и стопка журналов с полки пролистана. О жительнице Марта тогда не подозревала, и не могла подозревать, потому что жительницы тогда не было. До ее появления могла быть только пустота, аномальная пустота, против которой бессилён любой шум соседей. И уже потом, из этой пустоты пришла она...

Марта с детства знала, что создана не для этой страны, не для города Саратова и не для Волги. Ее ждала другая страна — лучше, богаче, здоровее; друга река — чище и синее. Ждала уже лет двести, с тех пор, как ее легкомысленные предки ушли искать счастья на восток. Хотя отец Марты был русским (гордился загадочной славянской душой и умением пройти по прямой после двух стаканов водки), Марта была немка, как мать, как бабушка и дедушка, к непонятным гортанным разговорам которых прислушивалась в детстве.

Какие-то документы передвигались между посольствами и консульствами. Всем этим занималась мама, причем сколько Марта себя помнила, Марта лишь ставила подписи, если нужно. Отец стучал

кулаком по столу: «Никуда я не поезду!» — но всем было ясно, что сопротивление его показное, подписи ставил аккуратно. Отъезд разумелся сам собой, как для доброго христианина сами собой разумеются райские кущи после смерти, но, как нормальный христианин в глубине души сомневается, что дело зайдет так далеко, так и они — вся семья — жили обычными мирскими делами в родном городе.

В детстве не обошлось, правда, без срывов. Крик соседского мальчишки: «Ты — фашистка!» Бег, слезы. «Бабушка, правда, что я...» Чудовище? «Кто мог сказать такую глупость!» Секундная заминка перед бабушкиным ответом. Но Марта быстро научилась обходить острые углы и обрывы отчаяния — сначала инстинктивно, потом сознательно. Она была умница, а тот соседский парень, он и сам-то все забыл и даже приударял за Мартой в старших классах. После школы Марта поступила, разумеется, на романо-германский, то есть на германский. После университета не нашла места преподавателя немецкого, преподавала английский в гимназии, но гортанный язык хранился где-то в глубине души на случай попадания в рай.

В двадцать четыре года Марта вышла замуж. Они с Сережей познакомились на дне рождения бывшей однокурсницы, он был приятелем парня этой однокурсницы, и в первый же вечер Марта предупредила, что скоро переедет жить в Германию. Сережа никак не прокомментировал ситуацию, то ли не собирался всерьез ухаживать, то ли сразу принял решение ехать с ней. Хотя скорее всего ему просто было все равно. Он был человеком, которому многое, очень многое все равно. Это равнодушие, вначале Марту немного отпугнувшее, в жизни оказалось очень удобным и помогало избежать множества конфликтов. Сереже ничего не мешало, его не сердили расходы Марты или ее филологические причуды. Они жили мирно и хорошо в однокомнатной квартире, добытой в результате сложных маневров обеих довольных семей. Супруги не мешали друг другу, и им нравилось заниматься любовью. Работа в гимназии подходила Марте. Иногда в молодую учительницу влюблялись ученики, Марта была хоть и не красавица, скромница скорее, но все-таки стройная натуральная блондинка, всегда на каблуках и всегда в юбке, а не брюках, даже если юбки ее были «учительского» покроя. Иногда она со смехом рассказывала Сереже, как ученики восьмого класса передают ей слухи о разбитых сердцах, зная, что никакой реакции со стороны супруга не будет, и не ожидая никакой реакции. Порой

вечерами к ним заходили ее друзья — одни с печеньем, другие с бутылкой.

Так что когда посреди этой нормальной или даже неплохой жизни пришла новость о том, что семью Марты уже ждут в заветной стране, жжение беспокойной тоски быстро пробежало по коже, проникло под кожу, и застряло где-то выше живота, но ниже сердца. Там оно находилось все месяцы до отъезда, лишь один раз растеклось по всему телу панической растерянностью: Марта стояла на набережной, вглядываясь в воды Волги, и вдруг подумала: «Как без этого?» Но потом оно быстро собралось в прежнем месте и почти не беспокоило.

Хлопоты с документами, в которых Сергей не принимал участия, а только, как раньше сама Марта, ставил подписи, украли столько времени, что не только продать квартиру, но и подыскать приличных квартирантов не успели.

Последняя неделя в Саратове утонула в прощаниях: друзья Марты, близкие и далекие, одноклассники, вынырнувшие из волн Леты, однокурсники, коллеги, соседи... В однокомнатной квартире рекой текли пиво и вино, и, казалось, так будет всегда, праздник не кончится.

Времени на сборы не осталось, собиралась в последний вечер, проводив засидевшихся гостей. Кидала в чемодан первые попавшиеся вещи.

Бесконечно названивала перепуганная мама — то напомнить Марте взять полотенца или свадебные фотографии, то в двадцатый раз уточнить, что в аэропорту нужно быть уже в семь. В очередной раз положив трубку, Марта налила себе воды — хотелось пить или не пить, она сама не знала, чего хотелось, неизвестность тревожила... сделала несколько глотков и поставила стакан на подоконник. С одной стороны, нервировала мамина истерика, с другой — нервировало спокойствие Сережи, как будто совсем ничего страшного, если они сейчас забудут что-то важное. Но Марта напомнила себе, как выгоден бывает его флегматичный характер, и подавила раздражение. К тому же оставляли многое, и квартиру оставляли, так что отъезд получался как бы понарошку, как в отпуск, и в душе она не могла поверить, что это навсегда.

На рассвете, сонная и тихая, Марта вышла. Выкатила один из чемоданов. Сережа запер дверь на оба замка, чего раньше они никогда не делали, его связку отдали Наталье Семеновне, и уехали в эмиграцию.

Один самолет, другой самолет, блеснул стеклом немецкий аэропорт, потом была длинная автомобильная дорога, и в конце тяжелого, затянутого перестановкой часов дня — маленькая холодная комната с голыми стенами. Окно без штор пугало ледяным дождем, одинаковыми серыми домиками — ни единого дерева, ни единой машины. «Но это же всего лишь общежитие», — утешительным тоном сказала мужу, которому не нужны были утешения. Он отыскал в чемодане и надел плотный свитер. Спали одетые, укутавшись в казенные одеяла. Марта попыталась прижаться к Сереже, ища его тепла, но он пробормотал: «Кисунька, давай не сегодня, а?» Она отвернулась к стене и беззвучно заплакала от холода. Утром им показали вентиль на батарее, который нужно было повернуть, чтобы включить и настроить на желаемый уровень отопление.

Потянулись нервные серые дни в общежитии. Марте, разбалованной личным жильем, было неприятно готовить на общей кухне и мыться в общей душевой. Бывшие американские казармы, приспособленные под общежития, не имели ничего общего даже с минимальным вариантом мечты о земле обетованной. «Армия — она и есть армия», — прокомментировал Сережа, никогда раньше не распространявшийся о подробностях своей службы. Унылое гетто, не похожее на Германию, которой любовалась на картинках в университетских учебниках. Всюду русская речь, всюду странные люди из восточных степей — такие же запоздало вернувшиеся немцы, как она сама.

Встречи с чиновниками. Вдруг выяснилось, что мамин родной немецкий никто не понимает (говорили: «Диалект, диалект», — и сочувственно-вежливо кивали), мама оказалась беспомощной перед мощью бюрократического аппарата, как маленькая девочка, и папина привычка все переводить в шутку теперь бесила. Сереже было по фиг, он стоически выносил, даже скорее не замечал бытовые трудности, но и не догадывался проспрягать какой-нибудь немецкий глагол. Все, все лежало на плечах Марты. А у нее в голове путались слова и ломались предложения, она все забыла, мучительно выдавливала из себя фразы в кабинетах, под выжидающими взглядами членов семьи. И хотя она решала все вопросы за всех, их разочарование от ее медленной вымученной речи и бесконечных переспрашиваний давило на сердце, так же как слабый монотонный дождь, никогда не начинавшийся, потому что никогда не заканчивался. Вслед

за решенными вопросами, как грибы, выростали новые, и конца кафкианской череде кабинетов не предвиделось.

Трудно сказать, сколько времени прошло с переезда до того сна. Марта была все время занята, все время в вопросах и проблемах, и не успевала ни смотреть в календарь, ни тосковать по родине. Набухшая от дождей дряблая кожа, ранки лихорадки на губах (боялась заходить в немецкие аптеки без рецепта, и инфекция множилась, цвела), вечно расстроенное непривычной едой пищеварение, унижение бедной родственницы в общегерманской семье, ненавистный своим спокойствием муж, которому время от времени требовался секс... Марта не думала о том, что ей плохо живется, как раньше не думала о том, что ей живется хорошо. Но что-то внутри, глубоко, помнило другие времена и замечало перемену. И она начала вспоминать комнату.

Потом пришел тот сон. Она была в Саратове, дома, на своей лестничной клетке. Доставала из сумки ключи. Открывала дверь. Все было очень резко, очень ясно — как не во сне. Она видела вещи: свой дезодорант и крем в примятом тюбике у зеркала. Перекинутую через стул спортивную кофту Сережи с пропаленной на рукаве дырочкой. Секундную стрелку часов, подаренных учениками, прошлый выпуск... половина третьего ночи, ровно. Она ступала на ковер. Смотрела на стену — картины с кошкой не было, сама ведь положила ее в чемодан. Голый гвоздь торчал. стакан стоял на подоконнике, как и предполагала. На донышке еще была вода — убедилась, опустив в него пальцы. Тронул ноздри запах их однокомнатной, мелкого уюта, мелкого счастья и скромного праздника. От ощущения, что все это настоящее, Марта проснулась — как вынырнула. Глянула на электронный будильник у кровати. Двенадцать тридцать две. Другой часовой пояс. Ей стало не по себе, она толкнула в бок мужа, но он крепко спал.

Усыпила себя повторением немецких слов, однако снова проснулась через несколько минут — теперь оттого, что дом больше не снился. От желания, стремления, страсти увидеть его снова. Хотя бы во сне вернуть подъезд, лифт, дверь, комнату, воздух, которым столько лет дышала, диван, на котором валялась с книгой, вещи, которые носила и трогала. Было странно и жутко: все это и дальше существует — не сгорело, не утонуло, не рассыпалось, эта квартира есть и будет, она в реальном мире — но не для нее. Недоступна. По-

хожее чувство уже испытывала однажды — в детстве, когда умер дедушка. Все не могла понять, как может быть, что его пиджак висит в шкафу, а он сам теперь недоступен. На этот раз она оказалась по ту сторону недоступности, будто умерла. Марте стало страшно, что она на самом деле умерла, что эта мрачная Германия ей только мерещится и будет теперь мерещиться вечно.

Потом ей показалось, что между двумя точками — освещенной снаружи мертвым фонарем казармой, где она лежала, и однокомнатной квартирой в Саратове, где ее не было, перекинулась линия напряжения, светящаяся линия между двумя светящимися точками, а остальное — рагу из домов и полей, стадионов и лесов, гор и заводов, которое видела под пенкой облаков из самолета, — темнеет как несущественное. И эта яркая линия напряжения прогнала ужас небытия. От облегчения снова поплакала немного, в последнее время полюбила плакать, когда Сергей спал — единственное настоящее удовольствие этих недель. А днем все забыла.

Еще несколько дней. В один из пустых вечеров Марта стояла у окна. Ни о чем не думала. По стеклу текли беззвучные струи. Внезапно Марта ясно увидела окно своей пустой квартиры, деревянную раму, так не похожую на здешнюю, европейскую, и поняла, что никогда не сможет туда вернуться — даже если вернется, ничто не будет по-прежнему. Увидела снаружи. И в ту же секунду Марта увидела ее — жительницу. Квартира не была пуста.

Жительница прижалась к сухому пыльному стеклу изнутри, сплющив нос, целуя стекло, словно рыба в аквариуме. Ее ладони тоже были прижаты к стеклу и сплющены. Она шевелилась. стакан на пустом подоконнике был сух, стоял одиноко — цветочные горшки исчезли. В этом «увидела» не было ничего мистического, наоборот, это было так же естественно, как «увидеть» лицо человека при звуке его голоса из телефонной трубки. Марта продолжала воспринимать металлическую сетку забора и угол соседнего корпуса, мокрое небо, но все-таки при этом она отчетливо видела и окно своей квартиры, и новую ее жительницу.

Чем-то жительница была похожа на Марту — те же светлые волосы, выпуклые скулы, те же длинные пальцы. Но все в ней было еще длиннее: руки, ступни, ноги вытянуты, как в свете фар. Рот казался очень маленьким, когда был закрыт, но если она его открывала — очень большим. Глаз ее Марта не могла разглядеть, хотя часто

жительница замирала, словно уставившись на Марту, как и тогда, в первый раз, через стекло. Часто... Да, в последующие недели Марта видела ее часто.

Жительница передвигалась по квартире быстро, до странного ловко — только мелькали ее длинные ноги, но иногда, наоборот, долго стояла в одной позе. Некоторые ее движения были бессмысленными — как в первый раз, когда она стала облизывать оконное стекло. Но бывало иначе. Однажды она зашла в кухню, и Марта увидела на столе открытую банку с вареньем, и вспомнила, что так оставила банку в утро отъезда, после завтрака, и удивилась, что беспокоилась о стакане, но не вспомнила о варенье. Жительница покрутилась вокруг стола, несколько раз наклонилась над банкой, покачиваясь в такт неслышной песне, сняла ложкой плесень, вытрусилась в раковину, смыла водой. Потом заварила себе чай, ушла, вернулась с книгой, и пила чай с вареньем, притворяясь, будто читает Борхеса. Чашку за чашкой, пока варенье не кончилось. После чего вымыла банку и поставила на этажерку, куда Марта обычно составляла чистые банки для консервации.

Марта не задумывалась о природе жительницы. Эзотерикой, духами, домовыми она никогда не увлекалась. Но жительница ее не удивляла, при всей своей странности она не вызывала ощущения потусторонней чужеродности, она была такой естественной и своей в квартире, словно жила в ней всегда.

Марту, раньше всегда твердо стоявшую на ногах, не пугали участвовавшие видения. Мало ли что в мире бывает... Эмигрировав, она потеряла то, что с детства считала реальностью. Привычное стало невозможным, невероятное стало обыденным — так зачем беспокоиться по поводу мелких галлюцинаций. Может, это нормально для чужой страны, или даже считается здесь хорошим тоном. Наоборот, Марта успокоилась и расслабилась, наблюдение за жительницей примиряло со всем остальным, язык, забытый в послеуниверситетские годы, ожил и свободно полился изо рта, и герпесные ранки на губах зарубцевались и затянулись.

Жительница не мешала Марте, когда та была занята делами, но Марта возвращалась к ней, как только могла расслабиться — стоя над супом на общей кухне, намываясь под душем, ожидая перед дверью в очередное ведомство. Марта наблюдала, как она слоняется из кухни в комнату, прыжками, перебежками, вытягивая длинные

ноги. Удивлялась, видя, как жительница подклеивает обои в углу прихожей, любовно разглаживает своей длинной ладонью — два с половиной года у Марты не доходили руки до этого угла. Чуть не хохотала, когда жительница наряжалась в ее сарафаны и танцевала в них. Порой жительница садилась за Мартин письменный стол, делала вид, что пишет, держа в руках длинный ключ от серванта. Календарные планы, что же еще. А однажды взяла стопку газет, положила на угол письменного стола, и брала из стопки по одной, смотрела, что-то читала, что-то черкала, и перекладывала на другой угол. Марта поняла, что жительница «проверяет тесты», и даже рассмеялась сосредоточенному лицу, но смех был с горчинкой, не зависти — понимания, что в жизни самой Марты этого — уютного света настольной лампы и стопки детских работ — никогда больше не будет. А ведь не любила проверять тесты.

Жительница тоже умела смеяться, но Марта никогда не слышала звуков оттуда, она угадывала смех по лицу. По утрам жительница принимала душ в ванной Марты, чистила зубы пальцем (зубные щетки увезли). Утро было лучшим ее временем, она всегда была рада по утрам, никогда не выла. Выла по вечерам, в ступившейся темноте, если забывала, где выключатель. Когда Марта увидела это впервые, не поняла, почему жительница задирает голову, широко открыв рот, и испугалась. Только по напряженной длинной шее догадалась, что жительница воет. Успокоилась: воет — значит, есть причины. Наверняка забыла, как включить свет. Иногда выла стоя, но чаще сидя на полу, обняв острые колени. Марта не знала, как напомнить ей, где выключатель.

Больше тревожила Марту привычка жительницы принимать ванны — ведь жительница не была особо аккуратной, и Марта боялась, что будут затоплены соседи снизу, в особенности после того, как сама, забывшись в общем душе, залила нижний этаж. После ванн жительница не вытиралась и оставляла на полу мокрые следы, Марта иногда в них попадала и потом мучилась в мокрых носках — особенно неприятно, если она в это время как раз ожидала своей очереди в холодном казенном помещении — ноги мерзли. Даже в туалет жительница ходила, причем не закрывала дверь, что Марту сердило. Кремом для лица пользовалась, выдавливала за раз недельную норму, а уж как дезодорантом поливалась — Марта невольно начинала чихать. Но речи между ними не было, а если бы была, Марта попро-

сила бы жительницу прежде всего убрать со спинки стула эту дурацкую Сережину кофту с пропаленным рукавом.

С тех пор, как начались видения, Марта ни разу не звонила Наталье Семеновне, соседке с ключами. Нехорошо, но Марта, если вообще вспоминала о соседке, думала, что сегодня слишком занята, или слишком устала, а ведь нужно идти в переговорный пункт, с мобильного слишком дорого, позвонит завтра, в конце концов, деньги Наталье Семеновне оставили, она должна быть довольна. Когда наконец решилась набрать номер, было не по себе — словно нарушала некий молчаливый договор. Больше всего Марта боялась, что соседка скажет: «Нормально, в порядке квартира у вас», — и все кончится, она больше никогда не попадет к себе домой.

«Все в порядке, давно туда к вам не заходила, не было времени. Цветы перенесла к себе, мне так удобнее». «Ничего страшного, Наталья Семеновна, цветы себе забирайте, они нам не понадобятся, правильно, что перенесли. Кстати, я там, кажется, варенье на столе забыла... Открытое... Вы не могли бы глянуть, выкинуть, если что, а то тараканы сбегутся». «На кухне у вас ничего не было, и азалию я вашу оттуда забрала». «Правильно, правильно забрали. Значит, не забыла».

Следующий разговор с Натальей Семеновной вышел неприятным. Соседка высказалась в том смысле, что, конечно, уважает решение Мартиной семьи покинуть страну, но не понимает, почему на ее и так больную голову должны быть переложены проблемы с их здоровых, и поинтересовалась, не считают ли они, что ее забота о квартире будет продолжаться вечно. Говорила, что идут квитанции, и как Марта не пыталась разубедить ее — за все уплачено на полгода вперед, ответ был один: «Ничего не знаю, приезжайте и разбирайтесь сами, а я туда больше ходить не буду!» Марта ответила почти с облегчением: «Вот и хорошо, не ходите, ничего страшного, и на квитанции не обращайтесь». Может, ей хотелось бы услышать больше: чтобы Наталья Семеновна пожаловалась на звук шагов из пустой квартиры.

Но Мартина жажда намеков была удовлетворена другим телефонным разговором — с Аллой, историчкой из ее гимназии. Уже в удивленном: «При-и-вет, ты, что ли?» — угадывалась смеющаяся недосказанность, а после «Как там у вас?» и мелкого перемывания косточек завучам, Алла вдруг выдала: «А как твоя племянница? Что у нее? Привет передавай!»

Племянниц у Марты не было, но списала на плохую связь, на то, что неправильно расслышала. Нет, здесь речь шла не о приветии... Алла, сквозь эхо чужих разговоров, заикаясь от смеха, рассказала историю с «племянницей».

«Представь себе... Часов семь, еще никого нет, кроме меня, приперлась эта твоя красавица, племянница... Тени до ушей, мини-юбка, каблук метровой, при полном отсутствии лифчика... Спросила завуча, а Зиновьевны еще не было, тогда сказала, что она твоя племянница и хочет забрать твои книги. Ты же в самом деле почти все оставила, ну, я сижу со своими планами, дело не мое, как всегда на неделю задержала, а она на стуле ерзает. Потом я глянула — а она уже в столе твоим роется, я, конечно, выговорила ей, там же сейчас эта новенькая свои вещи держит, откуда мне знать, что там твое, а что ее. Но смотрю — уже пару книг взяла. Подожди, дальше прикольное. Потом другие пришли, я отвлеклась, ушла, а потом у меня на втором уроке окно было. Тут как раз Зиновьевна подтянулась, я вспомнила о племяннице твоей — а ее на месте нет. Ну, нет так нет, а Зиновьевну вдруг осенило, что она на твой урок замену не поставила, потому что у новенькой этой, студентки, сессия как раз. Она меня схватила и в девятый класс потащила, ты знаешь, терпеть его не могу, этот девятый. Подходим — тихо. Я уже тогда подумала, что что-то не так, открыли дверь... Представь, сидят они, как те первоклассники, руки на парте, и пялятся. А племянница твоя... Ты сидишь? Взобралась на стол, руки задрала, и что-то им вытанцовывает... В своем намеке на юбку. Реакцию Зиновьевны ты представила, да? Слушай, а я хохочу — не могу остановиться, говорю Зиновьевне: «Мы ей благодарность должны объявить! Как класс держит — а! Я так не могу. Молчат!» Ну, до истерики, слушай, смеюсь, и все. А она нас увидела — кивнула, со стола неспеша слезла, попрощалась вежливо и... и ушла, просто так себе мимо нас проплыла, взмахивая грудями. А у меня — аут, что за класс остался. Ты не представляешь. Я звонка как второго пришествия ждала. Передай племяннице пару ласковых от меня. Она у тебя, однако...»

«Алл, ну какая это племянница? Это сумасшедшая одна из нашего подъезда».

«Серьезно?» — спросила после паузы. «А я думала...»

«Алл, у меня братьев-сестер нет, какая племянница?».

«Ну, я думала, двоюродная какая-нибудь. Слушай, а что теперь учебники? Жалко, унесла ведь. Они хорошие у тебя были».

«Я тебя умоляю, здесь они мне не понадобятся. Надо было этой студентке отдать. Новенькой».

Вернувшись в общежитие, Марта то садилась за стол, то подходила к окну. Ей катастрофически не хватало места, ей хотелось быть в квартире, по которой она могла бы ходить туда-сюда, в которой было бы много стульев, диванов и кресел, чтобы садиться и вскакивать. Стыд за жительницу, будто это она сама, всегда строгая и серьезная на уроках, светила трусами перед своими учениками. Но и подавленная, тайная радость оттого, что дом ее не пуст, и удивление, что жительница вот так запросто может появляться среди людей и даже быть принятой за племянницу, немного зависти — она сама еще не научилась так просто появляться среди местных людей и быть принятой за человека. Даже Сережа заметил волнение Марты, спросил, что случилось. Она, не ответив, ушла стирать.

Потом Марта перестала задумываться о жительнице, хотя видела ее почти постоянно. Иногда посреди ночи Марта внезапно просыпалась, совершенно бодрая. Садилась в постели. Уйти почитать было некуда — кухня общая. Она сидела в темноте, не закрывая глаз, и быстро соскальзывала туда, где в ее старое окно сочился свет луны, вытягивая по стене тень ненужного гвоздя. Где жительница спала на ее с Сережей разложенном диване. В ее позе.

Однажды Марта проснулась так среди ночи. На тот момент отношения с мужем выровнялись, и длинный вечер, предшествующий этой ночи, они провели запершись в своей комнатке, занимаясь любовью. Так и заснули. Зевнув, осторожно высвободилась из-под Сережиной руки, и тут же увидела жительницу на своем диване. Скинув одеяло, жительница растягивалась и сжималась, переворачивалась, извивалась. Как Марта ни старалась не понять, было очевидно, что жительница мастурбирует. Пошло, голо, азартно, в ярком лунном свете из окна. Движения были отвратительны, Марта отворачивалась, но видела все то же. Закрывала глаза, но видела.

Это ночное видение выбило из колеи. Дневное наблюдение за жительницей было, как прежде, приятным, но с этой ночи, как только муж обнимал Марту, она вспоминала о видении самоудовлетворяющейся жительницы, и отвращение пересиливало желание. Снова брак показался нелепым, ненужным сожительством с чужим человеком.

Недовольство окончилось вместе с жизнью в межмирье. И недовольство, и стремление назад. Марта с семьей наконец смогла по-

кинуть казарму-гетто, они с мужем поселились в милой двухкомнатной квартирке. Пошли на языковые курсы, где Марта оказалась в роли примы-балерины, потому что и без курсов все могла. Приобрели множество друзей, пили-гуляли с ними, а потом, после окончания курсов, старательно избегали их — Марте, благодаря знанию немецкого и английского почти сразу устроившейся на работу, не хотелось иметь ничего общего с маленькой плаксивой диаспорой и ее разговорами о пособии по безработице, а Сергею, тоже быстро устроившемуся благодаря готовности к самому тяжелому труду, было все равно.

Шесть лет спустя Марта с мужем жила почти так же, как до эмиграции: мирно, не мешая друг другу, с удовольствием занимаясь любовью, но только в гораздо лучших условиях. Уже не в той, первой двухкомнатной, а в трехкомнатной квартире с огромной зеленой террасой, в неплохом районе Дюссельдорфа. Единственное, что нарушало благоденствие — родители с их вечными проблемами: до сих пор не могли самостоятельно заполнить формуляр или сходить к врачу. Приходила к ним, сцепив зубы, чтобы не отпускать замечаний по поводу «отличной» мебели из секонд-хенда или «восхитительной» посуды, в невероятных количествах накупленной на блошиных рынках. Старательно смеялась плоским отцовским шуткам. Квартира в Саратове так и стояла закрытой — было жаль тратить отпуск на поездки туда, если можно поехать в Барселону, Рим, Марсель. Может, и не закрытой, если Наталья Семеновна догадалась ее сдавать — Марта мысленно дала соседке на это моральное право и не имела бы претензий. Годы не созванивались, только деньги на квартплату переводили.

Но сколько можно — квартиру следовало продать теперь, пока цены на недвижимость в России выгодные. И не только из-за цен, была еще одна причина.

Это была песня родителей, а не самой Марты: уже за тридцать, пора ребеночка, уже за тридцать, пора ребеночка... Им хотелось внуков — и родителям, и даже свекрам, которые раз в вечность общались с Сергеем по скайпу. Внутри себя Марта понимала, что ей живется хорошо и не хочется ничего менять, но в какой-то момент поддалась, согласилась — да, пора ребенка. Муж сразу дал согласие. Но прежде чем заводить ребенка, нужно было купить дом, чтобы был дворик — сначала выставить коляску, потом выпустить побе-

гать. Чтобы купить домик в кредит, как все, нужны были деньги на первый взнос, и здесь выручка за старую, никому не нужную квартиру оказалась бы очень кстати.

Как раз накопились к ноябрю сверхурочные, она взяла все сразу, и сама (Сергей только путался бы под ногами) полетела в Саратов.

•

Рейс неудобный, с пересадкой в Москве. В Москве, в зале ожидания, Марта поняла, что у нее поднимается температура, и почему-то почувствовала бессильную злобу к врачу, который три года назад заверил ее, что новых проблем с почкой не будет. Как только вспомнила о почке, резко потянуло спину справа внизу. Руки леденели, глаза горячо болели. Надо было что-то делать, но она ничего не могла придумать, беспомощно выглядывала аптечный киоск. Следующий полет был мукой. Стюардессы наклонялись к ней заботливо, приносили чай. Турбулентность пальцев, чай не помогал.

Марту никто не встречал, она согласилась на услуги навязчивого таксиста в аэропорту, понимая, что страшно переплачивает, но бессильная придумать что-то другое. В такси расплакалась, не стесняясь, испытывая от слез давно забытое облегчение, как в вычеркнутые из памяти дни в общежитии, когда слезы были единственной ее радостью.

Повезло, лифт работал. Марта остановилась возле двери — выцветшей, грязной, но той же. Ключи с трудом проворачивались в замках. Дверь открылась, хлопья пыли взлетели в коридоре. Марте захотелось потосковать по оборвавшемуся здесь счастью, почему-то вдруг показавшемуся более глубоким, чем счастье настоящего, но она была слишком больна. Потолок убежал от взгляда. Она поискала следы визитов соседки — ничего не могла понять, не то состояние. В старых разошедшихся рамах гудел ноябрьский ветер. Слез в глазах больше не было, веки горели, хотелось воды, простой теплой воды. Или холодной, любой. Губы жгло.

Марта долго лежала на диване. Наконец вспомнила, где раньше хранила лекарства — ящичек в ванной, но там ничего не было, нашла только градусник в картонной трубочке: ртутный, электронных тогда не знали. Сунула подмышку. Долго ждала. Когда вынула — ругалась, ничего не могла понять, почему ртутные не могут показы-

вать четкие цифры. Столбик вроде бы прерывался на тридцать семь и семь, но какая-то часть его тянулась дальше, до сорок и два, и эти сорок и два были так страшны, что термометр выскользнул из дрожащих пальцев и разбился, ртуть вытекла, свернулась шариками.

«Нет, нет, нет», — Марта в панике от ртути попятилась обратно в комнату, она не хотела верить в свою обреченность. Набрала оз на мобильном, сомневаясь, правильны ли цифры. Правильно, взяли, она быстро-быстро все рассказала про себя и сказала адрес, но трубку бросили. Только тут она поняла, что говорила по-немецки, и адрес назвала немецкий, позвонила опять, старалась говорить по-русски, и опять бросили. Только по эхом звучавшему в ушах английскому «fever» поняла, что опять говорила на чужом языке, и слишком быстро, чтобы ее приняли всерьез.

Марта больше не стала пытаться вызвать скорую. Она задумалась о своей ошибке с языком, но мысли пошли дальше, к другим ошибкам. Вдруг подумала, что было ошибкой уезжать в чужую страну. Почему чужую? Свою, кровную... Нет, своя страна там, где родился. Опять ошибка. Нет. Родная страна — та, которую любишь. Она не любила ни ту, ни другую, ей было все равно, как и Сереже. Тут мысли перекинулись к следующей ошибке: не надо было выходить замуж без любви. «Замуж-по-любви», терминология сериалов, о чем вы, люди? Люди не откликались, все равнодушное человечество молчало. Если бы это была ошибка, она встретила бы за годы кого-то другого, разыгралась бы драма, трагедия, Анна-Каренина-Эффи-Брист-Мадам-Бовари, но ничего такого не было, никаких измен, разрывов, смертельных страстей, они с Сережей хорошо подходили друг другу... Для них пришло время купить дом и ребенка... Вдруг ясно представила себе этого ребенка: голую пластиковую куклу.

«Weil du aber lau bist und weder kalt noch warm, — прозвучало в голове, — werde ich dich ausspeien aus Meinem Munde»¹. Закричала по-русски: «Ложь, ложь, я горячая, я раскаленная!»

Марта сдалась, поверила градуснику, второму столбику, разлитой ртути, и чувство острого угла, обрыва, падения, обреченности было самым сильным чувством, испытанным ею в жизни, и уже никакие ошибки не могли иметь значения — она была освобождена. Свободна и счастлива, без пути назад.

---

¹ «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих». (нем., Откровение св. Иоанна Богослова, 3:16)

Потому что единственной ошибкой в жизни Марты было позволить себе увидеть жительницу, но на самом деле это было единственной ее *не* ошибкой, она отчетливо понимала это сейчас, когда, тихо скрипнув дверью, жительница входила в комнату. Шла по полу, оставляя в пыли следы босых ног, высокая, узкая, с рассыпавшимися по плечам льняными волосами и красным лихорадочным ртом, прекрасная, страшная, как королева Кримхильда, и Марта протягивала ей дрожащую руку, и пыталась соврать, будто ни на миг не забывала о ней все эти годы, и сама верила себе, потому что закончились все ошибки и отныне все будет верно, абсолютно верно, как в тесте отличника.

Жительница запрокинула голову, широко открыла рот и завывала. Марта впервые услышала вой, который наблюдала без звука во времена своих видений, голос окутал ее, оглушил и выпустил: дал ей лететь, туда, где слова «низ» и «верх» теряют значение. Жительница ложилась не рядом с ней, а на нее, и сквозь одежду в жар тела Марты проникал успокаивающий лед тела жительницы. Прижимая ладонь к лицу Марты, зажимая ей рот и нос, Жительница говорила: «Мы больше никогда не расстанемся». Откашливаясь и отгалкиваясь, выворачиваясь, Марта подтверждала: «Никогда».

